

О Б Р А З О В А Т Е Л Ь Н А Я П О Л И Т И К А

ФИНАНСИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: УРОВЕНЬ И МЕХАНИЗМЫ

В наше невоенное время социально-экономического кризиса и начала экономического роста финансовая составляющая образовательной политики приобретает всё более ярко выраженный идеологический характер. Если прежде существовали крайне сомнительные, но хотя бы формальные основания говорить, что денег в стране нет и поэтому надо мириться с катастрофическим недофинансированием образования, то теперь, когда федеральный бюджет переполнен деньгами, вопрос о том, на что их истратить, явно зависит от государственной идеологии.

Олег Смолин,
первый заместитель
председателя
Комитета по
образованию
и науке
Государственной
Думы четвёртого
созыва, доктор
философских наук

Приоритет «третьей свежести»

Ни для кого не секрет: в 1990-е годы в России обвально сократилось финансирование образования. По приблизительным оценкам, с 1990 по 1998 г. в реальном исчислении оно уменьшилось в 8 раз, в том числе заработная плата начинающего учителя — примерно в 7 раз, зарплата профессора по меньшей мере в 4–5 раз.

Высоко оценивая работу Министерства образования РФ по защите интересов отрасли в федеральных бюджетах последних лет, нельзя не понимать, что рост бюджетных расходов после 2000 г. отнюдь не компенсирует потерь, понесённых образованием в 1990-х гг. Более того, звучащие бесконечным рефреном утверждения представителей правительства «Образование — наш финансовый приоритет» выглядели более или менее обоснованными в 2001 и 2002 гг., когда рост федеральных расходов на образование составил, соответственно, 43% и 47%, однако по отношению к двум последним годам вызывают серьёзные сомнения.

Действительно, согласно федеральному бюджету 2003 г., расходы на образование увеличились на 21,9%, а на правоохранительную деятельность — на 46%; в 2004 г. образование должно получить федеральных денег на 20,6% больше, чем в 2003 г., а правоохранительные органы — почти на 30%. Предоставляя читателю самому судить, что в действительности является приоритетом финансовой политики российского правительства, напомним лишь о том, что даже заседающие в Госсовете при Президенте страны губернаторы в августе 2000 г. рекомендовали правительству ежегодно наращивать федеральный бюджет образования не менее чем на 25%.

Остановимся несколько подробнее на федеральном бюджете образования в 2004 г. К его очевидным, хотя и скромным достоинствам можно отнести предполагаемое увеличе-

ние на 21 % расходов на капитальный ремонт (в 1990-е гг. износ многих зданий, в которых размещены учебные заведения и общежития, достиг критического уровня), а также на оплату услуг связи почти на 81 % (что необходимо, в частности, для развития Интернета). Однако основная часть бюджетной прибавки образованию в 2004 г. обеспечена решениями 2003 г.: предвыборным увеличением в среднем на 33 % тарифной части зарплаты педагогических работников с 1 октября и удвоением студенческих стипендий с 1 сентября. Именно потому, что снижать уровень доходов педагога и студента дальше некуда, рост бюджета образования в 2004 г. превысит увеличение его расходной части в целом. Однако нельзя закрывать глаза, как минимум, на два обстоятельства.

Во-первых, учитывая, что с декабря 2001 г. по октябрь 2003 г. рост прожиточного минимума (т.е. цен на товары первой необходимости) составил в стране около 40 % (по данным ЦК профсоюза работников народного образования и науки — не менее 45 %), а в 2004 г. планируется не менее 16 % без увеличения заработной платы «бюджетников», приходится констатировать: в среднем российский учитель, врач, учёный или работник культуры в конце текущего года окажется примерно на 25 % беднее, чем в конце года 2001-го.

Во-вторых, принимая во внимание, что студенческая стипендия в предпоследний раз повышалась в июле 2000 г. и подвергается такому же обесцениванию, как и зарплата, есть все основания утверждать, что к концу текущего года её уровень также окажется ниже, чем 4,5 года назад. При этом зарплата педагогов по сравнению с советскими временами сократилась более чем в 3 раза, расчётная стипендия студента вуза — не менее чем в 3,5, студента ссуза — в 7, а стипендия учащегося ПТУ — в 10 раз.

По требованию правительства большинство Госдумы в очередной раз приостановило процесс утверждения четырёх федеральных законов, определяющих уровень бюджетного финансирования образования, зарплату педагогов, компенсационные выплаты на питание школьникам, учащимся ПТУ, студентам техникумов и вузов, установленные для них льготы на проезд в междугородном транспорте и т.п. «За компанию» приостановлены и те положения действующих законов, которые обеспечены бюджетным финансированием, но идут вразрез с намерениями Правительственной Комиссии по оптимизации бюджетных расходов, которая получила меткую аббревиатуру «КОБРА».

При низком росте бюджета образования в целом даже весьма сомнительное «повышение» зарплаты и стипендий вынудило разработчиков закона сократить расходы по большинству разделов экономической структуры, призванных обеспечить развитие образовательной системы, в том числе:

- прирост расходов на приобретение оборудования снизился с 71,2 % в бюджете 2003 г. до 12,4 % в бюджете 2004 г.;
- расходы на питание сокращаются на 3,4 %, т.е. скромная стипендиальная добавка, данная студенту или учащемуся ПТУ перед парламентскими и президентскими выборами, частично изымает-

ся из его «кармана». С учётом планируемого роста прожиточного минимума реальные бюджетные расходы на питание сократятся почти на 20 %;

— финансирование коммунальных платежей уменьшено почти на 3 %. Не забудем, что подписанные Президентом в середине прошлого года поправки к Федеральному закону «Об основах федеральной жилищной политики» не устанавливают практически никаких ограничений в области тарифов на коммунальные услуги, и, следовательно, рост реальных расходов учебных заведений на эти цели пока вообще трудно прогнозируем;

— настоящее «харакири» (по официальной терминологии — секвестр) было уготовано правительством в отношении расходов на капитальное строительство и реконструкцию объектов образования в рамках федеральной адресной инвестиционной программы: с 1624 млн руб. в 2003 г. до 1209 млн руб. в 2004 г., т.е. сразу на 25 %. При втором чтении бюджета ситуацию удалось поправить лишь отчасти.

Статья 84 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2004 год» предусматривает изъятие остатков средств, не использованных образовательными учреждениями в 2003 г., с их счетов. Это прямо противоречит п. 3 ст. 43 Закона РФ «Об образовании», в соответствии с которым «не использованные в текущем году финансовые средства не могут быть изъяты у образовательного учреждения или зачтены учредителем в объём финансирования следующего года». Однако в 2003 г. на основе аналогичной нормы у образования было изъято свыше 3 млрд рублей.

Итак, приходится констатировать: финансовая политика последних лет обеспечивает лишь скудное текущее содержание (или поддержание) образовательной системы, но никак не её развитие. Она не меняет общих тенденций деградации материальной базы образования, полунунищенного существования интеллигенции и противоречит практике «цивилизованных стран». Федеральный бюджет образования 2004 г. — это «бюджет неразвития».

При этом, по официальным данным, дополнительные доходы федерального бюджета в 2001 г. составили 318 млрд руб., в 2002 г. — 156 млрд; согласно прогнозу, за 2003 г. они превысят 150 млрд руб., а в 2004 г. плановый профицит бюджета должен составить 83,5 млрд. Учитывая, что цены на нефть на мировом рынке составляют около 30 долларов за баррель, а российский бюджет рассчитан, исходя из 22 долларов, есть все основания полагать, что плановый бюджетный профицит будет превышен в 2–3 раза. Итого за четыре года получено более 700 млрд руб. дополнительных доходов федерального бюджета. Если бы все эти деньги были направлены на социальные программы, можно было бы повысить пенсии примерно в 2 раза, зарплату интеллигенции и всем работникам бюджетной сферы — примерно в 3,5 раза, детские пособия — в 30 раз, стипендии студентов вузов, техникумов и учащихся ПТУ — в 70 раз.

Видимо, в текущем году российские финансисты в очередной раз гордо отчитаются перед мировыми финансовыми организациями в том, что они выполнили их самые жёсткие требования. Вот только что скажут они и вся «партия власти» российскому учителю, учёному, библиотекарю или врачу?

Финансовые механизмы: как поделить «тришкин кафтан»?

Несколько лет назад руководитель Департамента образования в графстве Оксфорд, одном из самых богатых в Великобритании, рассказал мне о новых финансовых механизмах в управлении образованием. В последнее время управлять экономикой образования в Великобритании стало интереснее и труднее: всё больше денег, свободы и ответственности. Денег больше, поскольку увеличиваются государственные ассигнования, а также вложения в образование со стороны фирм, стимулируемых налоговыми льготами, желанием выйти на образовательный рынок и соображениями престижа. Свободы и ответственности

больше, поскольку нормативное финансирование образования, с одной стороны, увеличивает финансовую самостоятельность образовательных учреждений, а с другой — расширяет право выбора для студентов, обучающихся и их родителей, а тем самым — и конкуренцию в образовании.

Иначе говоря: экономические реформы в британском образовании, как и в большинстве других индустриально развитых стран, происходят на фоне увеличения его финансирования за счёт всех возможных источников, включая бюджет. Напротив, в постсоветской России, по известному остроумному замечанию, реформы начинаются, когда кончаются деньги! Соответственно, и смысл подобных «реформ» долгое время сводился к тому, как сэкономить на образовании и по-другому поделить предназначенный для него и всё более уменьшающийся финансовый «пирог».

Так, уже в «Программе углубления экономических реформ», подготовленной под руководством Е. Ясина и Е. Гайдара, наряду с принципом приватизации, вводился и другой «основополагающий» принцип — «внедрение новой экономической модели образования», «используя институт образовательного ваучера»: «Ваучер имеет стоимость, объявленную для населения данной территории с учётом индексации и отражающую сумму всех расходов по обеспечению государственного стандарта образования, исключая капитальные вложения на развитие отрасли. Ваучер должен иметь одинаковое применение и стоимость для государственных и негосударственных структур».

Далее в документе определялось:

- а)** «номинальная стоимость ваучера в дошкольном воспитании будет составлять только часть необходимых затрат, минимальный уровень которых определяется государством»;
- б)** при получении дополнительных образовательных услуг, когда стоимость реализации всех компонентов образования превышает номинальную стоимость ваучера, а также при улучшении социально-бытовых условий разницу доплачивает ученик за счёт собственных средств либо за счёт средств, поступающих из других источников финансирования;
- в)** предусматривалось предоставить право «органам государственного управления высшим образованием в пределах выделенных бюджетных средств определять перечень вузов и контингент студентов, для которых гарантируется получение высшего образования за счёт федерального бюджета (70–75% приёма), устанавливать контрольные цифры дополнительного приёма студентов (20–25%) по договорам с независимыми государствами, органами государственного управления, муниципальными органами, предприятиями, учреждениями и организациями всех форм собственности и физическими лицами, предусматривающим полное возмещение затрат на обучение (включая стипендии успевающим студентам)».

Тем самым образование для подавляющего большинства граждан должно было стать частично платным, а часть государственных образовательных учреждений пришлось бы закрыть как не выдержавшие конкуренцию с учреждениями негосударственными.

Помимо этого принципиальный недостаток концепции заключался и в том, что ваучер как государственный документ на право получения образования не предполагался именованным (не фиксировалось имя владельца) и мог быть предметом всех форм гражданского оборота, в том числе и акта купли-продажи. Фактически он становился ценной бумагой на свободном рынке ценных бумаг (заместителем денег), причём с высокой нарицательной стоимостью, ибо деньги подвержены инфляции, а цена образования имеет противоположную тенденцию — к возрастанию.

Характерно, что среди всех известных механизмов нормативного финансирования образования российские революционеры 1990-х гг., по идеологическим соображениям именуемые реформаторами, выбрали наиболее радикальный — безымянный ваучер, хотя в действительности арсенал таких механизмов весьма широк. Среди них:

- государственное именованное образовательное обязательство (ГИОО) или государственное именованное финансовое обязательство (ГИФО) как документ, который мог стать предметом залога;
- ГИОО или ГИФО, которые не являются предметом гражданского оборота вообще;
- нормативное подушевое финансирование учреждений образования без выдачи финансового документа физическим лицам (по принципу: «деньги следуют за учеником»);
- нормативное финансирование образовательных учреждений в расчёте на каждого обучающегося с учётом финансирования потребностей образовательного учреждения, не связанных линейной зависимостью с количеством обучающихся (например, коммунальные услуги, ремонт, учёт количества класс-комплектов и т.п.) по принципу: «деньги следуют за учеником, но не все» (вариант действующего Закона РФ «Об образовании»);
- нормативное финансирование образовательных учреждений независимо от количества учащихся (деньги следуют не за учеником, а, например, за класс-комплексом, за учебными площадями и т.п.).

Сопоставим эти возможные механизмы с законодательно установленными нормами. Закон РФ «Об образовании» в его первой редакции предусматривал нормативное финансирование образовательных учреждений различных типов и видов в расчёте на каждого обучающегося, а также введение личного государственного образовательного кредита (невозвращаемого, частично или полностью возвращаемого) в системе среднего профессионального и высшего профессионального образования (ст. 41 п. 2; ст. 42). Во второй редакции Закона концепция личного государственного образовательного кредита была исключена, однако исходная концептуальная схема сохранилась в модифицированном виде: нормативы финансирования образовательных учреждений поставлены в зависимость не только от их типов и видов, но и категорий. Закон, следовательно, устанавливает механизм финансирования, при котором часть финансовых средств перемещается из одних образовательных учреждений

в другие вместе с обучающимися, однако другая часть финансирования этих учреждений от числа обучающихся напрямую не зависит.

Законодатели разработали и иной персонафицированный механизм финансирования образования посредством государственного именованного образовательного обязательства. До настоящего времени он не вошёл ни в один из действующих федеральных законов, однако был принят обеими палатами Парламента в первой версии Федерального закона «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья», отклонённого Президентом Б.Н. Ельциным в 1996 г., и входил в проект Национальной доктрины образования в Российской Федерации, подготовленный совместной рабочей группой и одобренный Всероссийским совещанием работников образования в январе 2000 г., — в обоих случаях с целью создать дополнительные гарантии получения образования для лиц, нуждающихся либо в специальных образовательных условиях, либо в дополнительной финансовой поддержке на период обучения.

Помимо этого важно отметить, что разработчики Закона РФ «Об образовании» исходили из следующих концептуальных позиций:

- государственные образовательные стандарты, финансируемые по нормативам, должны быть достаточными для полноценного образования;
- соответствующие финансовые нормативы формируются «прямым счётом», исходя из затрат на создание совокупности необходимых условий для качественного образования обучающихся и стимулирования труда педагогов;
- бюджет образования рассчитывается на основе данных нормативов, а при недостатке финансовых средств нормативы, которые рассчитываются ежегодно, постепенно приближаются к научно обоснованным.

Парадокс российской образовательной политики заключается в том, что практически все эти идеи так или иначе

были использованы в правительственных концепциях реформирования образования, однако при сходстве по форме они получали в них совершенно иное, часто прямо противоположное содержание.

Так, в более мягкой форме наследуя идеи ваучеризации, проект «Концепции очередного этапа реформирования образования», подготовленный правительством в 1997–1998 гг., провозгласил главным принципом — «деньги следуют за учеником». Последнее, строго говоря, не обязательно предполагало введение образовательных ваучеров, однако в предложенном варианте должно было вызвать сходные последствия.

Аналогичным образом раздел «Реформирование образования» в проекте «Основных направлений социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу», в основном одобренных Правительством РФ в июне 2000 г., предполагал, что одновременно будет введён принцип «деньги следуют за учеником» в системе общего образования и государственного именованного финансового обязательства в сочетании с общенациональным экзаменом — в системе среднего профессионального и высшего профессионального образования, о чём речь пойдёт ниже.

Не менее значительные метаморфозы в правительственном документе 1998 г. претерпели и другие концептуальные позиции Закона:

- вместо принципа «Бюджет — под нормативы» противоположный принцип: «Нормативы — под бюджет»;
- соответственно, вместо прямого расчёта нормативов — обратный счёт по многократно раскритикованному уже в советский период «остаточному» принципу;
- сведение к минимуму государственных образовательных стандартов под лозунгом сокращения учебной нагрузки и заботы о здоровье обучающихся.

На практике реализация любой из названных выше моделей финансиру-

ния образования (1992, 1998, 2000 гг.) привела бы к усилению конкуренции в сфере образования, к повышению качества обучения в элитных учебных заведениях за счёт их основной массы, к большей свободе выбора для тех, кто способен ею воспользоваться, но вместе с тем — к расширению доли платных образовательных услуг за счёт бесплатных и как следствие — к ещё большему росту неравенства прав граждан в области образования.

От такого рода реформ выиграли бы:

- в социально-поселенческом плане — часть населения крупных городов;
- в социально-профессиональном — дети из семей работников умственного труда;
- с точки зрения уровня доходов — дети представителей высшего класса и высшего среднего класса (если воспользоваться американской терминологией).

Соответственно, проиграли бы:

- дети в селе и малых городах;
- дети работников преимущественно физического труда и работников умственного труда с невысокой заработной платой;
- дети представителей низшего класса и большей части среднего класса.

Последствия названных выше финансовых нововведений, видимо, не были бы для системы образования столь же разрушительными, как последствия массовой приватизации образовательных учреждений, однако с большой вероятностью можно утверждать, что они значительно затруднили прогресс и модернизацию системы образования. Доказательством этого тезиса может служить неудача экспериментов, проведённых в некоторых штатах США, по введению образовательных ваучеров, где они использовались исключительно в области школьного образования, а не во всей его системе, — от детских садов до высших учебных заведений — как это предлагали российские радикалы. Американский опыт был проанализирован в своё время специалистами по заданию Минобразования России. С крайней осторожностью высказывались по поводу возможности продолжения таких экспериментов и сами американские конгрессмены, особенно от Демократической партии.

Поскольку большинство проектов, о которых идёт речь, разрабатывались под эгидой и (или) на средства Мирового Банка и Международного валютного фонда, вполне логично предположить, что новые схемы финансирования предполагалось подвергнуть экспериментальной апробации в России и других странах бывшего СССР, прежде чем внедрять в индустриально развитых странах. Но совершенно очевидно, что в кризисной российской ситуации шансы этих экспериментов на успех значительно меньше, чем в относительно стабильных и благополучных условиях современного «социального капитализма». Не случайно в России идея ваучеров в системе высшего образования подвергается критике не только «слева», но и «справа».

ГИФО: ФИНАНСОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ИЛИ ИЗОБРЕТЕНИЕ ВЕЛОСИПЕДА?

Как было сказано выше, идея введения образовательных ваучеров занимала ключевое место в правительственной стратегии реформирования образования, начиная с 1992 г. На рубеже веков эта идея была возрождена в более мягкой форме концепции государственного именного финансового обязательства (ГИФО), которое отличается от обычного ваучера, во-первых, персональным характером, а во-вторых, неодинаковыми размерами денежного эквивалента, который увязан с результатами Единого государственного экзамена (ЕГЭ).

Разработчики концепции ГИФО полагают возможным с её помощью решить следующие задачи:

- поднять заинтересованность выпускников в результатах ЕГЭ;
- обеспечить, наряду с существующими схемами финансирования обучения студентов (бюджетной и внебюджетной), возможность частично оплачивать образование и тем самым расширить круг лиц, его получающих и в него инвестирующих;
- за счёт большей подвижности финансовых потоков усилить конкуренцию между вузами и, следовательно, стимулировать качество образовательных услуг.

Противники концепции ГИФО, напротив, аргументируют свою позицию следующим образом.

1. Отсутствие мирового опыта. Как известно, эксперименты по введению системы образовательных ваучеров проводились в ряде штатов США, однако исключительно в области общего образования, но не в высших учебных заведениях. Экспериментировать же с финансами при их остром дефиците, причём впервые в мире, крайне опасно.

2. Прямая угроза сокращения числа бесплатных для граждан учебных мест. Возможность такого сокращения содержит в себе уже концепция единого экзамена, однако при её «связке» с концепцией ГИФО эта возможность с большой вероятностью превращается в действительность. Учитывая, что доля «бюджетных студентов» среди лиц, получающих образование в различной форме (очной, очно-заочной, заочной), неодинакова, одна из возможных схем уменьшения ответственности государства за реализацию прав граждан на высшее образование состоит в том, чтобы обеспечивать посредством ГИФО обучение по очно-заочной и заочной формам в большей мере, чем по очной.

В принципе разработчики концепции первоначально и не скрывали, что превращение части бесплатных для граждан учебных мест в частично платные (софинансируемые гражданами) входит в их намерения. Однако затем они же стали утверждать, что ГИФО несёт социально защитную функцию, ибо по условиям эксперимента в высших учебных заведениях, применяющих эту систему, соотношение платных и бесплатных учебных мест должно выдерживаться по принципу 50:50, тогда как в целом по Российской Федерации в настоящее время на внебюджетные места

и в негосударственные вузы принимается больше студентов, чем на места, финансируемые из бюджетов.

Последнее утверждение представляет собой либо ошибку, либо прямой обман общественного мнения. Доказательство тому — последовательная позиция правительства, которое дважды провалило в Госдуме проект федерального закона, запрещающий сокращение числа бесплатных учебных мест в расчёте на 10 тыс. населения в государственных и муниципальных учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Аналогичная норма в отношении бюджетных учебных мест в вузах, которая прописана в Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», в последнее время ежегодно приостанавливается Думой по требованию правительства. При таких условиях в ситуации «демографической ямы» почти неизбежно возникнет положение, когда при соотношении бюджетных и внебюджетных учебных мест 50:50 количество студентов, бесплатно получающих высшее и среднее профессиональное образование, будет значительно сокращено.

3. Рост неравенства прав в области образования. Очевидно, что при более или менее одинаковых природных задатках результаты ЕГЭ в среднем окажутся выше у детей из семей с высокими доходами. Именно такие семьи имеют возможности: — отдавать детей в школы с программами повышенной сложности или с высококвалифицированным педагогическим коллективом и «софинансировать» их обучение; — нанимать квалифицированных репетиторов для подготовки к Единому экзамену; — находить знакомства в комиссиях, принимающих ЕГЭ, или прямо давать взятки.

Все эти факторы действуют и при существующей системе, однако ГИФО способно увеличить неравенство в связи с предполагаемым сокращением общего числа бесплатных учебных мест и жёсткой увязкой оплаты за обучение с результатами ЕГЭ. В итоге дети из семей с высокими доходами в большинстве своём будут

учиться бесплатно или «малоплатно», тогда как большинству семей с низкими доходами придётся либо платить за образование своих детей, либо отказаться давать им высшее образование.

Отметим для сравнения, что в индустриально развитых странах наблюдается прямо противоположная тенденция — стремление ограничить неравенство прав граждан в области образования. Так, во Франции и Германии доля студентов, обучающихся за счёт бюджета, сохраняется на уровне 85–90%. В Великобритании, где давно введена система ЕГЭ и высшее образование в целом платное, 35–40% учебных мест в вузах финансируются из бюджета, причём право занимать их имеют студенты из семей с низкими доходами. В период обучения студент вправе получить социальный кредит, погашать который начинает через несколько лет после окончания вуза и лишь в случае, если заработная плата достигает 20 тыс. фунтов (около 30 тыс. долларов) в год, причём для лиц из семей с низкими доходами социальный кредит устанавливается в большем объёме.

Таким образом, во многих странах мира результаты ЕГЭ увязываются с правом получить высшее образование, однако нигде они не увязываются с правом получить его на платной или бесплатной основе. Зарубежные реформы ограничивают неравенство образовательных прав, а российская концепция ГИФО способна его увеличить. Зарубежная образовательная политика в этом вопросе в целом идёт в русле демократической тенденции, российская — в русле элитарной.

Следует иметь в виду, что стремление дать высшее образование широким слоям населения на Западе связано не только с «социализацией» капитализма, с установкой на социальное государство и требованиями социальной справедливости, но в ещё большей степени — с тенденциями современного экономического развития, перехода к информационному обществу. Согласно концепциям постиндустриалистов, одним из необходимых условий функ-

ционирования такого общества становится преобладание в составе населения специалистов с высшим образованием и научных работников (60–90%). Очевидно, что для достижения таких показателей необходимо дать высшее образование не только общественным группам, образующим высший и средний классы, но и значительной части низшего класса. Таков «категорический императив» экономического развития. Не случайно Япония и ряд других стран поставили вопрос об общедоступном высшем образовании. В противном случае страна рискует навсегда остаться мировой периферией.

4. Критика справа. В отличие, например, от США, где идею образовательных ваучеров активно поддерживали правые (республиканцы), но столь же активно критиковали либералы (Демократическая партия), в России концепция ГИФО подвергается критике не только слева, но и справа. Суть этой критики состоит в том, что выдача каждому выпускнику, имеющему определённые результаты ЕГЭ, именного образовательного ваучера будет стимулировать к получению образования даже тех, кто этого не хочет или в этом не нуждается, создаст своего рода «большую халяву» в сфере образовательных услуг¹. Подобная аргументация также заслуживает специального обсуждения в образовательном сообществе.

Экспериментальная модель ГИФО, разработанная Министерством образования, исключив из денежного эквивалента ГИФО коммунальные расходы, студенческие стипендии и целый ряд других расходных статей, в значительной степени обезвредила концепцию, но в такой же степени лишила её практического смысла, ибо объём финансовых средств, перемещающихся по новой схеме, оказался в несколько раз меньше, чем предполагали разработчики.

Вопрос о введении именного ваучера в российском высшем образовании остаётся открытым, причём решение это может быть принято исключительно на основе закона. Будет ли в этом отношении российская образовательная политика следовать опыту индустриально развитых стран (высокая доля бюджетного финансирования образования, образовательные кредиты, поддержка лиц с низкими доходами за счёт общественных фондов) или, введя ГИФО, как нередко бывало, мы пойдём никем не апробированным собственным путём, определится в ближайшие годы.

Подводя итоги сказанному, отметим: вопрос о механизмах финансирования образования выходит на первый план в высокоиндустриальных странах, где обеспечен достаточный уровень такого финансирования при преобладании в составе населения лиц с высокими и средними доходами. Попытки сделать «всё, как у них», оставив бюджет, «как у нас», вряд ли способны привести к чему-либо, кроме традиционного передела «тришкина кафтана». Механизмы финансирования образования в России нельзя улучшить, не повышая его уровня. А это, в свою очередь, требует изменения идеологии и приоритетов государственной образовательной политики. **НО**

¹ Колесов В. О ваучеризации высшего образования. Идея финансовых обязательств не продумана // Известия. 2002. 1 февраля.